

Александр ВАСИНСКИЙ, «Известия»

В ПЕТЕРБУРГЕ его знают любители джазовой музыки всех поколений, не исключая и нынешних пятилетних малышей, которых родители водят к нему на специальные детские программы. Он создал музыкальное заведение, не имеющее аналога в мире, и выступить у него в клубе мечтают многие зарубежные знаменитости. Последний, кто собирается приехать, — 85-летний джазовый скрипач № 1, живая легенда Стефан Граллелли.

Что же это за заведение, которому позавидовал бы не один именитый американский менеджер и продюсер, а известно, что с подобной идеей носился, например, еще в 40-х годах Норман Гренц! Впрочем, об этом наш рассказ впереди, — он будет тем более впечатляющим, что джаз вовсе не был баловнем советской идеологии наподобие балета или монументальной скульптуры.

Сиреневый час

Что-то в этой музыке всегда бесило тоталитарные уши. Идеология монолита, не знающего исключений, видела в джазе подрывную неконтролируемую стихию.

Не так давно на экранах прошла почти незамеченной ленточка «Когда святыя маршируют» — о судьбе джазменов в России, где в роли руководителя ансамбля снялся Голощекин, играя, по сути, самого себя. Драматическую тему в фильме передавала сочиненная им композиция. Она называлась «Сиреневый час». В ней слышится многое тому, кто знает историю ленинградских джазменов, историю самого Давида. Тут и ностальгия по детству... Его, например, в середине пятидесятых в числе лучших учеников музыкальной школы при Ленинградской консерватории посылали в годовщину смерти Пушкина играть на скрипке там, в гостинице на Мойке, 12. Они ровно в два часа сорок пять минут пополудни — в час кончины поэта — исполняли пьесу Грива «Смерть Озе». И маленький скрипач чувствовал из-за стигмы взгляд, на который он боялся оглянуться...

Еще в «Сиреневом часе» можно уловить шорох бумажки при домашнем обыске, когда комитетчики искали вырезки из иностранных газет и журналов (поддельная литература). А при желании в этой композиции можно услышать и историю разгона самого популярного в Ленинграде оркестра Иосифа Вайнштейна, куда приняли 20-летнего Давида как пианиста и скрипача. Их пригласили в Швецию. В назначенный срок никто не приехал. Разразился скандал, дошло до МИДа, был сделан запрос. И наши вышли из положения в лучших традициях большевизма. Министр культуры Демичев на повторный запрос ответил (конечно, по согласованию с инстанциями, а, может, и по их подсказке): мол, непонятно, о чем говорит шведская сторона, потому что такого ленинградского оркестра нет в природе. И на момент ответа это было правдой, ибо за час до ответа бибенд Вайнштейна срочно расформировали.

Несусветяющиеся в природе музыканты бродили без работы по городу в глубоком трансе. На горизонте обозначился сиреневый час северной полночи...

Все-таки это загадка, какими путями прорастает в ребенке художественный дар. Я думаю, что на судьбе будущего джазмена как-то отразилось то событие детства, когда он играл Грива близ тени поэта — когда он был маленьким пажем сразу в двух муз. Это отразилось на его стиле — и личности, и игры.

Старик Дюк Эллингтон заметил

Известно, что у нас незаурядный человек может десятки лет существовать в тени, совершенно неопознанным, пока его либо не заметят на Западе, либо не обратят внимание карательные органы (иногда это взаимно связано). Ушей самобытной общности нередко требуют компетентная подсказка со стороны. Нельзя сказать, что таланты Голощекина совсем уж

не замечались местными властями и уполномоченными по культуре, нет, шел какой-то слухок, что он «умеет», но это было пародией на подлинное признание. То, что научился делать на эстраде Голощекин, требовало совсем другого уровня ценителей. Большинство из приставленных к худсоветам и инстанциям в лучшем случае умели отличать хорошее от плохого, но известно, что истинный вкус там, где способны оценить разницу между отличным и превосходным.

Знатоки, например, говорят, что поскольку мой герой учился игре на флюгельгорне самостоятельно, внешне, то в его игре чувствуется некоторая, что ли, неправильность, но именно она придает его стилю особый шарм. Но это надо понимать! А понимающие и это ценится выше голый виртуозности, построенной только на безошибочной беглости пальцев. О чем-то похожем говорил в одном из своих интервью Мстислав Ростропович, который избегал упражняться на виолончели в одни и те же часы, постоянно менял время занятий в течение дня и на всей неделе, чтобы и енно обмануть привычку, чтобы не успевали закрепиться дежурный навык, нормированная мастерская уметь в ущерб глубине и свободе выражения.

В архиве моего героя сохранилась фотография: на сцене Ленинградского Дома дружбы на фоне транспаранта «Дело Ленина живет и побеждает» запечатлены великий Дюк Эллингтон и играющий на флюгельгорне Голощекин. Это было в 1971 году. Накануне эту позвонили и в «срочном порядке» «обязались» явиться — как в военкомат! — в Дом дружбы, где заокеанской знаменитости сначала покажут документальный фильм о Ленинграде, а после, если возникнет соответствующая атмосфера и ситуация и гость заведет вдруг речь о том, есть ли в СССР джазмены, тут-то и выступят на сцену этого самого Давида как живое свидетельство свободы творчества в стране Советов.

Таков, надо думать, был замысел у устроителей приема. Но в действительности весь сценарий поглотился, как всегда бывает, когда имеешь дело с джазом, т. е. искусством импровизации. Чинное начало уступило место концерту, и Давид сменил не один инструмент, гость был приятно удивлен происходящим и предложил русскому виртуозу сыграть джем-сейшн (то, что это совместное музицирование — сказать мало; это, скорее, совместная молитва посредством музыки, священнодействие). Такую счастливую возможность и честь для молодого солистката успеха можно уподобить разве что рукопожатия короля. Эдвард Кеннеди Эллингтон, прозванный поклонниками Дюком (герцогом), видимо, и не подозревал, что значил этот вечер для репутации молодого музыканта.

После прекрасного вечера в Доме дружбы слухок о том, что Голощекин «умеет», получил при всем большом начальстве достоверное и, так сказать, высочайшее подтверждение. Уполномоченные по культуре себе не верили — Эллингтону поверили. И зауважали

Голощекина. Куда б он потом ни приходил, в каких строгих кабинетах (с портретами Горького, Луначарского) ни появлялся, вопросы решались с ранее немислимыми побряками. Страшно сказать, но ему перед выступлением в рапортичку разрешалось заносить американской музыки больше, чем 25%, тогда как у других три четверти репертуара составляла обязателька из песен советских композиторов.

И все чаще он за спиной слышал о себе: «Этот тот, которого Эллингтон признал».

А в позапрошлом году незадолго до смерти в Москву на

что нравится нам и им. И ребята поверили.

Мне многие говорили, что Голощекин, по сути, сохранил джазовый генофонд, не просто дав кров и работу музыкантам двух коллективов — ленинградского джамбанды и ансамбля, но и пестуя поколения новых ценителей и фанов. Когда же засилье рока прошло, джаз, снова призванный к жизни, не из подвалов вылезал на свет Божий, а с подобающей сбитой осанкой выходил на сцену собственного уважаемого клуба.

Но нет, нет, это было еще не то заведение, которому нет

студию прослушать композицию, ничего не сказав ему про секрет ее моноисполнительства, он, рассказывают, даже вскопил с изумлением со стула, не дослушав:

— Где взяли такие скрипки?! Где взяли такой оркестр!

А звукорежиссер подвел его к студиному окну и показал на кривящего в глубине коридора Голощекина.

— Вот сидят и все скрипки, и весь оркестр.

Во время этой командировки я прочитал, что академик Лихачев, узнав о болезни одного известного поэта, советовал ему 9 раз перечитать «Слово о пол-

ного порядка — туда, где музыка существует как бы сама по себе без посредничества нот и инструментов, где она обитает тайне от всех, необнаруженная и потому как бы неотличимая от тишины, а исполнитель является синхронным переводчиком с неслышимого на слышимый, с тишины на звучащее, с хаоса на образ.

Испытание «Братьями и сестрами»

До Пяти Углов к джаз-клубу приходилось идти часто неприглядными улицами, мимо рядов жалких торговцев, попадались какие-то личности, своей опуперыва — вечером, ни на что не похож: это было больше, чем театр, больше, чем роман Абрамова, и даже, может быть, больше, чем сама действительность русских северных деревень военной и послевоенной поры, ставшая предметом воплощения на сцене. Такое может быть в искусстве, потому что огромная энергия действительной жизни сужается искусством до испепеляющей концентрации луча, и здесь уже законы не физики, а беспредель открытия. Этим лучше можно сводить с ума, резать корпус кораблей, взрывать неразумных, смещать с их орбит небесные тела, преобразить души человеческие... Постановка Льва Додина — это опыт шестичасового пребывания в трагедийном пространстве зала-сцены, где происходит мистический акт тестирования зрителей на подлинность. Фальшь, самообман, джекумиры, наносное сгорали в этом огне.

И вот после этого каково человеку окунуться в атмосферу джазового концерта? — а не баловство ли все эти композиции заокеанских корифеев, все эти затененные лампы на столиках, аплодисменты и т. п.?

Я теперь не просто верю Голощекину на слово, но и сам испытал — на звук, на сердце — универсальную природу этого искусства, вмещающего в себя все, что способно вместе с человеческим существом. Какой бред расхожие разговоры про развлекательность, бездумный оптимизм джаза. В нем есть и это, но есть и другое — глубина, нежность, целомудрие, трагизм; в нем есть то, что испытывает человек, не зная, что это и каким словом это назвать, но вот он слышит «Жимолость» Ф. Уоллера и говорит себе: «Вот! Вот! Это именно то, что сейчас происходит со мной...»

Я думаю, в спектакле «Братья и сестры» это было точно найдено: страшную сцену лесоповала, куда по трудовой повинности согнали калек и старух, сопровождала, заглушая все, латиноамериканская музыка. Полноме мог бы среди тайги все заглушать блюз. Или спиритизм. Ведь великий пролетарский писатель Горький ужасно недоволен назвал «музыкой толстых» музыку, истоки которой — в тоске несвободы и молитвах об избавлении рабов из трюмов невольничьих кораблей.

Как становятся ангелами-хранителями

Больше всего оскорбляло Давида отношение к его искусству — свысока — по сравнению с отношением к классике.

— Стравинский, Шостакович ценили талант джазовых импровизаторов, — говорит Голощекин. — Может быть, они не до конца понимали технологическое рождение такой музыки, которая возникает под пальцами музыканта на ваших глазах, вот сейчас и через секунду умрет навсегда, но они не могли не изумляться уровню результата. Увы, до сих пор статус этого искусства признается, даже на Западе, где, казалось бы, он возник и знавал счастливые времена.

— Понимаете, американский президент может неплохо играть на саксе, — говорит Давид, — но даже в Америке многие музыканты жаловались мне на... как бы это сказать? — на непонимание публикой того, что перед ними, непонимание того, что эту музыку, чтобы ее оценить, надо слушать, не танцуя и не стуча вилками. А ведь не секрет, что, например, в Европе джазовая культура тесно связана с пивным бизнесом.

— Дюк Эллингтон как соломка для провоцирования жажды?

— Что-то вроде того, — подтвердил Давид.

Голощекин же хотел, чтобы любовь к джазу была бескорыстной и трезвой, а если б люди и

терпели голову, то не от выпитого, а от самой музыки, как любят говорить музыканты, «от кайфа». Давид всем рассказывал про то, что в 1937 году в святая святых исполнения классики, нью-йоркский «Карнеги-холл», был «допущен» со своим оркестром Бени Гудмен. Один раз в начале 80-х Давид сам играл на сцене Большого зала Ленинградской филармонии им. Д. Шостаковича, участвуя в исполнении сочинений Слонимского.

Но главной идеей, главной мечтой Голощекина было создать джазовую филармонию со всеми вытекающими отсюда высокими обязанностями.

И вот наконец на базе клуба филармония джаза в Петербурге была создана. Даже образцом для устава послужил устав филармонии им. Д. Шостаковича. И теперь петербургский «Джаз-Филармоник-Холл» близ Пяти Углов не только принимает у себя российских и зарубежных гастролеров, но и всерьез занимается джазовой пропагандой и просвещением. В стенах этого единственного в своем роде заведения налажено сотрудничество с частной школой искусств «Тутти», где занимаются музыкой с детьми 5—7 лет. В проекте Студия для особо одаренных детей, будущих джазменов.

Поначалу в Джаз-Филармонию потянулись коммерческие структуры, готовые платить огромные деньги, лишь бы открыли двери для их игровых автоматов, торговых лотков и т. п. Но Голощекин называет свое заведение храмом и говорит, что не потерпит у себя торжищ и менял. И с ним бесполезно спорить.

— Если б в филармонии у Темирканова в вестибюле торговали колготками, вы б пошли на Вагнера? — неотразимо воскликнул он.

Особенно непреклонен художественный руководитель, если публика не всегда понимает, куда она пришла, и во время концерта не соблюдает тишину. Невнятные звуки доставляют ему боль — не за себя. Получается, как если б он, гордый собой, вводил за руку в зал бесподобную Афродиту, а вместо затаенного дыхания, горящих глаз и восторженного шепота продолжалась бы обычная болтовня.

Об обидчивости Давида на этот счет ходят анекдоты. Но ошибется тот, кто решит, что в этом сказываются какие-то его личные амбиции или тщеславие. Если б это было так, он бы давно уехал на Запад, куда его давно и безуспешно приглашают преподавать курс джаза по контрактам — в Штаты и в Европу. Съездить с ансамблем на гастроли — да. А жить там долго, тем более всегда — это не для него.

— А как же филармония?! — сказал он.

Мне кажется, что любовь моего героя к своему искусству, трогательная до доминикотства, и должна быть сверхмерна, с перебором, чтобы утвердился у аудитории хотя бы некоторый минимум любви. «Нормальной» любовью этого не добиться.

Люди, подобные Давиду Голощекину, становятся ангелами-хранителями того попрца, к которому они призваны. Для отечественного джаза его имя значило так же, как имя Семена Степановича Гейченко для Пушкиногорья. Как бы сам факт существования этих людей, олно неподкупные имя являются гарантом того, что их дело ограждено от мерзостей и имеет будущее. Неважно, какое именно попрце представляют люди этого склада. Любая дорога ведет к храму, если путь по ней держит истово верующий человек.

Фото Игоря ПОТЕМКИНА.

МАЭСТРО

Виртуоз джаза Давид Голощекин отстаивает честь любимого искусства

Один день приезжал великий трубач Диззи Гиллеспи. На незабываемый джем-сейшн в Концертном зале «Россия» он пригласил Германа Лукьянова, Георгия Гаряна и Давида Голощекина.

Рок против джаза

В истории российского джаза были плохие времена обысков, арестов, гонений. Но едва ли не более черные наступили тогда, когда джаз... стал никому не нужен, всеми забыт, в том числе и бдительными идеологическими инстанциями. Судьба распорядилась так, что в мир 80-х годов ворвался рок-н-ролл, и именно он стал для властей врагом №1 на ниве музыки. Орел гонимых забликовал над головами рокеров, а джазисты оказались не в дел, никто их никуда не приглашал, никто не преследовал. А ведь прежде сверхвнимание властей создавало ощущение собственной масштабности, серьезность тогдашних угроз вышала самоуважение, мысль доложить собой, знать себе цену.

А тут — вакуум. Многие отхлынули, ушли играть в кабаках, иные вообще забросили музыку, кое-кто, верный российскому обычаю противостоять отчаянию рюмкой, спивался.

Давид Голощекин, кстати, в ту пору тоже по-честному разделял участь коллег, подрабатывал на жизнь в ресторанах, но даже там, рассказывают, он старался блюсти честь любимого искусства, когда на эту честь покушались развязные толстосумы.

Но вот что интересно, и это многие заметили: в те плохие времена все джазисты как бы чего-то ждали от Голощекина, какого-то шага или спасительной идеи. ЕСТЬ такие люди, в сторону которых в минуту опасности почему-то поворачиваются лица многих. То ли им дает на это право положение лидера, то ли репутация человека, как-то особо ответственного за судьбу самого попрца. Коротко говоря, Голощекин сумел пробить идею джазового клуба, для чего близ знаменитых Пяти Углов заполучил здание кинотеатра «Правда» на 200 мест и с отличной сценой.

— Мы нашли всех стариков, которые были живы, но не играли, — рассказывает Голощекин. — Многие не хотели возвращаться в джаз, не верили. Я им сказал, что этот дом — их, ищите, репетируйте, у вас есть имя, на вас придут старинные поклонники, появятся новые. Мы будем сами зарабатывать, но играть не в кабаках, а перед своей публикой, и играть то,

аналогов в мире и о котором шла речь вначале. От дня основания джаз-клуба его отделял новый ряд лет.

Человек-оркестр отвергает оды

Несколько лет назад Давид записал в Ленинграде пластинку «Джазовые композиции». Перед вами мощное оркестровое звучание в исполнении... одного человека. Делается это методом наложения записи на запись. На первоначальную канву ритма из ударных и латиноамериканских инструментов записываются партии контрабаса и бас-гитары, потом все это инкрустируется звучением 3 флюгельгорнов и 5 скрипок, затем сверху проходят пассажи фортепиано, и, наконец, наносится несколько артистических штрихов солилирующими инструментами.

Была для этой пластинки записана композиция на тему мелодии Андрея Петрова из фильма «Синяя птица» по Метерлику. Когда Петрова пригласили в

ку Игореве» — он не сомневался в чудесном исцеляющем воздействии — как прикосновение к святыне — гениального текста. И я как-то спросил Давида, нет ли у него на случай болезней каких-нибудь врачующих целебных мелодий, ну, может, Моцарт или Кармайкл? Мне казалось, что такая деталь украсит портрет моего героя. Но он сказал, что во время болезни он слушает советы лечащего врача. Сказал с ироничной улыбкой. Ну никак не хотел он, чтобы из него делали гениального неврастеника, не хотел он лезть на пьедестал по стрелкам, которую ему подставляли. Так же вышло, когда я навел его на большой разговор о композиторских планах.

— Я исполнитель, и на большее не претендую, — сказал Давид.

Да, это исполнитель-импровизатор, но такого класса, что для него как бы нет технических трудностей и все проблемы музыкального воплощения перемещаются в сферы духов-

щенностью производившие впечатление людей, чужих городу красивых и умных камней они были похожи на мух, случайно залетевших в горловину малахитовой вазы в одном из залов Эрмитажа.

Не считайте эти замечания за снобизм, вовсе не тихую бедность я имею в виду и не подлинные несчастья, а целые популяции откуда-то наводивших Петербург прытких торгашей, профессиональных попрошаек и калек, сумеречных персонажей, делающих бизнес на своих пороках и болезнях.

Идя сквозь эти ряды, я иногда спрашивал себя: до джаза сейчас, до синхронных ли переводчиков с неслышимого?

Но самым тяжелым испытанием для моей темы и моего героя было потрясение, какое я испытал, побывав в дни петербургской командировки на спектакле Малого драматического театра «Братья и сестры» по Федору Абрамову. Этот 6-часовой спектакль, идущий днем и — после